

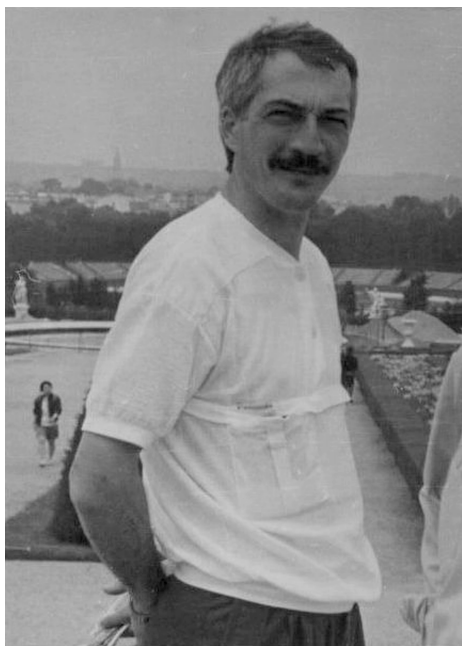
DOI: 10.46698/VNC.2021.27.37.001

Т. К. САЛБИЕВ,

ЦСАИ им. В.И. Абаева, Владикавказ, galabu@rambler.ru

**«УШЕЛ СОБИРАТЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
МАТЕРИАЛ...»****Уход**

В ноябре месяце 2022 года исполнится 70 лет со дня рождения одного из крупнейших осетиноведов прошлого века — Вилена Савельевича Уарзиати. Предваряя эту круглую дату, дожить до которой ему не было сужде-

В. С. Уарзиати во время посещения
Версальского дворца. Научная
экспедиция «*Via Alanica* / Дорога алан»,
пригород Парижа, июль 1993 г.
Фото Мирона Темираева

но, предлагаю вниманию читателей свои воспоминания об этой удивительной личности, сумевшей не только открыть новый этап в осетиноведении — этнологический по своей сути, но и оставить неизгладимый след в памяти тех, кому посчастливилось быть с ним лично знакомым. Его давно уже нет с нами, но я все слышу сказанную им самим когда-то фразу: «Ушел собирать этнографический материал...». Сказанная им однажды она возвращается к нему, но уже наполненная иными смыслами, которые он сам в нее, скорее всего, и не вкладывал. Это — та самая, удивительно точная по своему попаданию фраза, которая приходит мне на ум всякий раз снова и снова, когда я думаю о нем. При этом перед моим мысленным взором встает его невысокая статная фигура, с прямой спиной танцора, сдержанными жестами и степенной

речью. Он был главным франтом из известных мне представителей того поколения. Помню его двубортный темно синий клубный пиджак с металлическими пуговицами с изображением якорей, всегда отутюженные брюки и безупречного вида обувь, что в целом производило впечатление врожденной и оттого непринужденной элегантности. Одной из таких особенностей были слегка приспущенные на кисть руки ниже запястья часы — особый шик, которого он добивался благодаря свободному ремешку. Ни у кого другого мне не приходилось наблюдать подобного проявления раскрепощенности и свободы. Для полноты описания надлежит еще добавить нередко сопутствовавший ему дымок сигарет, пристрастием к которым следует, по-видимому, объяснять его низкий голос, несколько неожиданный для его комплекции. В завершение отмечу с проседью пепельного цвета волосы, карие глаза и орлиный, с горбинкой нос. Незнакомым людям его вид мог показаться строгим и даже суровым, и это впечатление усиливалось при звуках его зычного голоса. Однако в нем не было никакой претензии на важность и многозначительность, но было даже ощущение какой-то ранимости, незащитности, которые он, таким образом, своей напускной грубостью пытался прикрыть. А уважение, которым он пользовался у всех, с кем жизнь сводила его близко, возникало как-то само собой, под влиянием свойственного ему, ярко выраженного личностного начала, открытости в общении и абсолютной естественности. В нем не было никакой нарочитости, но, напротив, было ощущение искренности и человечности, возникавшее даже после непродолжительного знакомства. Один из осетинских писателей как-то дал ему очень меткую и вместе с тем емкую характеристику: *«Адаман равдисынма бæззыди / Его не стыдно было показывать людям»*. Эта аттестация идет из традиции и применима к тем, кто не просто хорошо выглядит, но кто мог бы, в современном понимании, быть публичным человеком, кто умеет достойно держаться и вести себя на людях.

Он был на десять лет старше меня, и я всегда отдавал себе отчет в этой возрастной разнице. Однако при этом ему удавалось быть не мэтром, а старшим товарищем, сообразно известной осетинской поговорке, относящей эту человеческую способность к одной из редко встречающихся, и потому еще более ценимой добродетели: *«Хистæримæ — хистæр, кæстæримæ — кæстæр / Со старшими — старший, а с младшими — младший»*. Это — свойство, присущее людям, сохраняющим в любом возрасте душевную бодрость, внутреннюю легкость и не обремененным довлеющим над ними осознанием собственной значимости. Меня тогда удивила его неподдельная радость по поводу выхода одной из моих первых статей, посвященной

традиционной осетинской поэтике, отличная, замечу, от того, с чем мне обычно приходится сталкиваться в подобных ситуациях. В подобных случаях коллеги по цеху обычно настораживаются и даже проявляют опаску, которую скрывают напускным безразличием или даже откровенным неприятием. Признаюсь, что в своих исследованиях я во многом опираюсь на его работы, но, все же, главное, что мне удалось у него почерпнуть, заключается в искренней увлеченности осетинской этнической культурой, в теплом и нежном чувстве к ней, которыми он заражал окружающих. Подобное отношение, как я теперь понимаю, могло возникнуть у него под влиянием матери, которую он, на правах старшего мужчины в доме, согласно традиционному этикету, в шутку называл по ее девичьей фамилии, *Есенон*. Она вполне бы могла служить живым воплощением свойственного осетинской традиции благородства и радушия. Вилен был самым младшим из четырех ее детей и с детства у него возникали проблемы со здоровьем, и потому, вероятно, она обратила к нему всю свою душевную заботу и невыраженную ласку. И фраза, которую я привел в начале, тоже была обращена к ней. Как-то раз, когда он в один из выходных дней при полном параде в очередной раз собирался идти на чью-то свадьбу, она его осторожно спросила, что отвечать, если по телефону спросят, куда он ушел. Так она в деликатной форме, хотела выяснить, скоро ли ждать его домой. Воспитание не позволяло ей сделать это напрямую и она прибегла к хорошо известному в этикете приему окольного, непрямого вопроса. Тогда-то он и произнес ей в ответ ту самую фразу: «Скажи, ушел собирать этнографический материал!».

Минуло уже больше четверти века с тех пор, как его не стало, когда ему было без малого 43 года, и сегодня я сам уже значительно старше него тогдашнего. Обычным хмурым и холодным днем, когда поздняя осень начинает переходить в зиму, он вернулся после работы и прилег отдохнуть, потому что почувствовал себя уставшим. Когда спустя непродолжительное время его окликнули, он уже не отозвался. Он ушел тихо, во сне, также как и жил, никого не побеспокоив: остановилось сердце, подточенное болезнью и придавленное гнетом житейских невзгод. Так он вновь, верный профессии, как и было им самим обещано, отправился собирать этнографический материал, но уже в последний раз, ушел навсегда, и теперь никому не суждено ни узнать имена его информантов, ни увидеть самих этих его последних заметок.

За отпущенный ему судьбою непродолжительный срок он успел многое. Его, повторяюсь, считают крупнейшим этнологом-осетиноведом. Для меня же его главная заслуга состоит в том, что он обеспечил переход от

описательности в изучении осетинской этнокультурной традиции к объяснению содержащихся в ней смыслов, дошедших до нас из бездонных глубин минувших веков. Я до сих пор чувствую идущую от него тягу к познанию, как к средству обретения личной свободы, и помню то чувство радости от достойно исполненного долга, которое он источал, когда завершил свою главную книгу «Праздничный мир осетин». Он отличался от других ученых тем, что для него наука не была средством построения карьеры, а представляла собой способ проживания жизни, делавшим ее вполне состоятельной и самодостаточной. В ней он находил силы жить, повторяя еще одну свою любимую фразу: «Хочешь быть свободным, будь сильным!». Думаю, что он имел ввиду, конечно, не физическую силу, а силу духа. О некоторых эпизодах нашего с ним общения, общих знакомых

Вилен Уарзиати в своем рабочем кабинете

1. Одна из первых книг В. С. Уарзиати «Народные игры и развлечения осетин», сделавшая его имя известным не только специалистам, но и широкой читательской общественности.
2. Важная веха в научной судьбе автора, по-прежнему актуальная книга «Культура осетин: связи с народами Кавказа»

и проблемах, которые он ставил и решал, я попытаюсь рассказать. Уверен, что его жизнь столь же значима для истории науки, как и оставшиеся после него труды, заставляя нас призадуматься над собственной судьбой и найти в ней то, за что мы должны быть ей благодарны.

Беседы под орехом

В конце 80-х годов прошлого века в Осети сложился уникальный круг молодых гуманитариев, получивших столичное образование и вернувшихся на родину применять полученные знания на практике, в деле. В те годы уже шла полным ходом горбачевская перестройка, и потому были существенно ослаблены идеологические запреты. И хотя от некоторых руководителей научных учреждений и можно было услышать брошенное в сердцах в свой адрес известное изречение из классической пьесы «Нахватались вольнодумства!», все же время уже было другое, и поделаться с этим было уже нечего, и это осознавалось всеми в равной степени. Пришло ощущение свободы, а с ней какого-то нового начала, предчувствие неизбежности грядущих открытий и свершений. Естественно, возникла тяга к национальной и этнической культуре, прежде, выражаясь деликатно, неприветствовавшаяся. В этой атмосфере подъема и открытости состоялось мое знакомство с Виленом, которое произошло в местном университете, где мы тогда вместе служили. На нашем факультете он читал лекции по истории Осетии, кроме того, у нас училась его племянница, и он заходил поинтересоваться ее успехами. Но по-настоящему я его узнал немного позже, ранней осенью, когда преподаватели вслед за студентами, как обычно, отправились на полевые работы в местные колхозы.

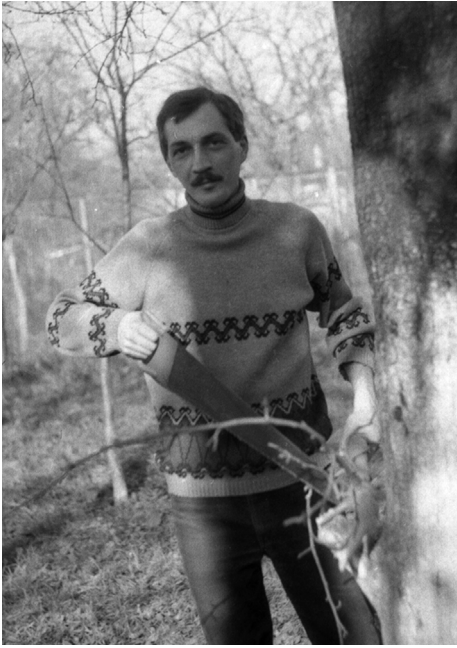
Наш факультет из года в год осенью помогал поднимать сельское хозяйство колхоза Хумалаг. Располагались мы отдельно от села, на полевом стане известного всей стране кукурузовода Харитона Албегова. Необычный для тех времен своей основательностью полевой стан был построен по поводу приезда Никиты Хрущева и должен был воплощать собой заботу партии и правительства о простых тружениках. Там я в достаточно комфортных условиях провел не менее семи полевых сезонов, сначала студентом, а затем молодым преподавателем. Там же я имел счастливую возможность приобщиться к осетинской сельской культуре, почувствовать ее дух, вдохнуть полной грудью пьянящий прозрачный воздух осенней осетинской равнины. Той осенью, уже в колхозе я случайно узнал, что историки трудятся недалеко от нас, в селении Заманкул, где я провел следующую неделю в качестве не только самозваного, но еще и назойливого гостя. Я отправлялся к ним утром, после того как студенты получали свои дневные

задания, и возвращался поздно вечером, иногда шел пешком, а иногда меня подбирали попутные машины. Обычно с утра наваливался густой туман, мог даже моросить мелкий дождь, который к обеду разгоняло теплое осеннее солнце, весь день не сходившее с бескрайнего голубого небосвода. Вечером же, с его заходом, становилось прохладно, а из темной высоты слышались крики перелетных журавлиных стай, гулким эхом разносившихся вдоль уже опустевших и перепаханых просторов чернеющих полей.

Всякий, кому удалось побывать в Заманкуле, знает, что у въезда в селение находится колхозный ток, на территории которого и были расположены жилые помещения для студентов и преподавателей. Преподавательский домик стоял особняком, а во дворе его рос раскидистый орех. Под этим деревом на лавочке мы вели разговоры, делись планами, и узнавая друг друга. Сам Вилен потом называл их «беседами под орехом». Я тогда был увлечен творчеством Николая Гумилева, бывшего прежде под запретом, который, как участник белогвардейского заговора, был осужден и расстрелян. Так открывался целый пласт старой, дореволюционной культуры. На слуху было его известное стихотворение «Выбор».

Созидающий башню сорвется,
Будет страшен стремительный лет,
И на дне мирового колодца
Он безумье свое проклянет.
Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, Всевидящим Богом оставлен,
Он о муке своей возопит.
А ушедший в ночные пещеры
Или к заводям тихой реки
Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрачки.
Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право —
Самому выбирать свою смерть.

Образ башни казался близким и хорошо знакомым. Да и сам пафос романтики и мужества не мог никого оставить равнодушным. Но главной, конечно, была тема свободы воли, провозглашаемое в нем право непререкаемого выбора своего жизненного пути, когда нам самим хотелось определить

Вилен Уарзиати на своем дачном участке

верное направление жизни, заложить правильный курс, чтобы затем следовать им к заветной цели. Витязь на распутье, перед ним три разных дороги — созидание, разрушение, уединение — в конце же одинаково неизбежный для них всех трех финал: небытие. Обреченность, беспомощность, фатальная предопределенность человеческого существования, рок, и лишь делая свой выбор, каждый обретает в сумбурном потоке жизни себя самого, свою единственную стезю, свою судьбу.

У Вилена же тогда, под влиянием общих среди историков его поколения настроений, возник устойчивый научный интерес к осетинам-мухаджирам, в конце XIX века вместе с генералом царской армии, ставшим

Поэт Николай Гумилев, участник Первой мировой войны

Мусса Кундухов на службе в турецкой армии

впоследствии пашой на службе султана, Муссой Кундуховым переселившись в Турцию. Жил он именно в тех самых местах, где разворачивались описываемые мною события. Заслуживает упоминания и то, что позднее одну из своих статей, посвященную турецким осетинам он написал на осетинском, что, в общем, не было характерно для его научных работ. Здесь, мне кажется, все было predetermined самой темой, дорогой его сердцу, ему лично близкой и понятной: поиск своей судьбы, готовность следовать за ней и на край света, приведшая многих переселенцев к разочарованию и неприкаянности на чужбине. Тема переселения осетин в Турцию приобретала особое звучание в местах, бывших одной из основных «исторических площадок», на которых разворачивались упомянутые события. Само же селение заслуживает отдельного упоминания.

Прогулки по Заманкулу и окрестностям

Одна из тетушек Вилена по материнской линии была в Заманкуле замужем, и потому он был там в каком-то смысле на правах хозяина. Его родня присылала ему подобающие статусу племянника (*харефьрт*) изобильные дары, которыми он щедро делился со всеми, кто был рядом, устраивая завидные по тем скромным временам пиры. Он также лучше остальных ориентировался на местности и предложил отправиться на экскурсию, что всеми было принято с радостью и благодарностью.

Первое, что встречает каждый по пути в село — это несколько плотно стоящих надмогильных камней со следами пуль. В связи с этим памятником нашей недавней истории, он рассказал о том, как во время Гражданской войны на село напали банды мародеров, желавших поживиться чужим добром, поскольку село всегда славилось своим достатком. Однако им был оказан прием, которого они, судя по всему, никак не ожидали. В числе жителей оказалось четыре бывших полковника царской армии, которые не только организовали оборону по всем правилам военного искусства, но и дали такой отпор, что надолго отбили охоту у кого-либо соваться к ним без приглашения.

У самого входа в село тогда был открытый минеральный источник, из которого по трубе тонкой струйкой вытекала вода, слегка солоноватая на вкус. Поясню, что само название селения происходит от тюркского словосочетания *заман-кель* что значит ‘гиблое озеро’. Рядом с селением, действительно, есть небольшое озеро из минеральной воды, и потому в нем нет жизни. От него также идет не очень приятный запах, и сама его вода

«Покосившийся крест»

Здание бывшей сельской мечети

плохо держит человеческое тело, затягивая на дно. В целом у озера плохая репутация. Дальше он повел нас мимо селения в поля. Там, мы вскоре дошли до вытесанного из плиты ракушечника, средневекового покосившегося набок креста (*Зылын цырт*), одиноко стоявшего среди просторов и покривившегося под тяжестью прошедших со времени его установки столетий. Этот памятник хорошо известен специалистам, я же тогда увидел его впервые.

На обратном пути мы прошли через само селение. Оно было основано в первой половине XIX века состоявшим на русской службе поручиком Бердом Кусовым и во многом сохранило в своем архитектурном облике черты более чем полуторавековой давности. Нельзя было не обратить внимания на то, что старые усадьбы не имели не единого окна не только в сплошных заборах, но и в жилых частях. Ни одно из окон не смотрело на улицу, все они были обращены внутрь двора. Примечательны были и ворота усадеб, состоявшие из двух половинок, в одной из которых была сделана низкая, по моим представлениям, калитка с высоким порожком, что являлось, по-видимому, продолжением горской традиции и имело определенный культурный смысл. На месте же старинной мечети был устроен сельский клуб, при сооружении которого была проявлена известная изобретательность, поскольку у мечети была разрушена лишь верхняя часть, тогда как фундамент и первый этаж оставили нетронутыми. В итоге вся постройка имела вид естественный и первозданный.

По пути в сыром месте нам повстречался куст, который привлек его внимание. Это оказался окопник, растение хорошо известное своими целебными свойствами и широко используемое в народной медицине. Наряду с крапивой его относят к растениям, сопутствующим человеку. Вилен же рассказал об этом растении вот какую занимательную историю. Дело в том, что по-осетински оно зовется *донычызг*, что буквально значит

‘русалка’. Русалки же, согласно осетинской мифологии, являются дочерьми Владыки Вод — *Донбеттыра*, а самая знаменитая из них, *Дзерасса*, родоначальница воинского эпического рода Ахсартаггата. Растительный узор со стилизованным изображением окопника можно нередко встретить на осетинских традиционных парадных женских платьях, в которых девушки ходили на общественные танцы. И тут начинается самое интересное. Известно, что окопник, как правило, растет в тенистых местах по краям водоемов, ручьев, рек, откуда и происходит его русское название. Именно туда прежде обычно направлялись девушки и молодые женщины за водой, брали они с собой за компанию и детей. Для развлечения они срывали цветки окопника, имевшие форму колокольчика, и бросали их в воду, на поверхности которой струи потока начинали их кружить в удивительном хороводе (*симд*), словно русалки исполняют чудесный девичий танец. Нельзя не отдать должное народной фантазии, которая невероятным образом постигает скрытую от глаза потаенную связь природы и человека. Она виртуозно переводит глубокие смыслы на язык простых, легко постигаемых образов, доступных и детям. Позднее несколько моих знакомых делились подобными же впечатлениями, вынесенными из их далеко детства.

Когда мы уже выходили из села, стало смеркаться, и воздух вокруг неожиданно приобрел густой сиреневый оттенок, отчего окрестные холмы, плотно обступавшие селение, стали казаться нежно фиолетовыми. Вилен заметил, что наступил самый подходящий момент, чтобы писать акварель. Этого его замечание мне запомнилось своей точностью. Насколько я знаю, главная особенность техники рисования акварелью заключается в том, что краски очень быстро сохнут и потому не оставляют художнику времени на проволочки, а требуют немедленного принятия решений. Кроме того, они не допускают наложения одного мазка кистью поверх другого, так что в итоге, каждый из них должен быть выверен и положен твердой рукой в единственно правильном месте, однажды и навсегда. Наконец, для акварели характерна прозрачность, которая как нельзя лучше могла бы отразить окутавшую все вокруг цветовую дымку, таявшую у нас на глазах и уступавшую место неотвратимо надвигающейся вечерней холодной мгле.

Окопник (лат. *Symphytum caucasicum* Curtis)

Минка Кубатиева в празничном платье (фото начала прошлого века)

В гостях

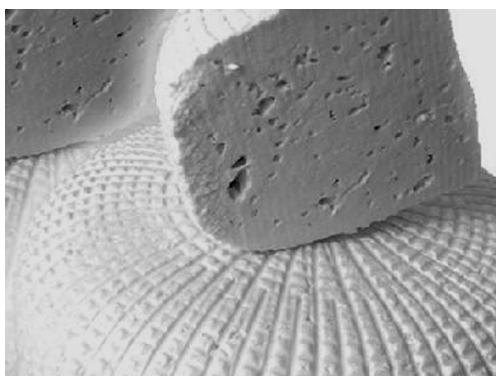
Все знали, насколько радушным и хлебосольным хозяином он был, какие чудесные пироги пекли его мама и сестры. Я несколько раз оказывался в числе приглашенных на его дни рождения, отмечавшихся в небольшой квартире, расположенной почти на краю города, и могу утверждать это с доскональным знанием предмета, о котором говорю. Однако он не только любил собирать гостей, но еще и сам с удовольствием ходил в гости, так что его посещения я по сей день вспоминаю как важные для меня события, оставившие неизгладимый след в моей памяти. Он не только брал, но и щедро отдавал, одаривал. Рассказывал смешные и нелепые истории, делился своими научными поисками и открытиями, прививал вкус к жизни и всем доступным простым человеческим радостям.

Также ходили упорные слухи о его пристрастии давать знакомым различные прозвища, иногда даже и обидные. Но он это делал не за глаза, а открыто. В народной культуре прозвище иногда оказывается не менее значимым, чем само имя, поскольку отражает общественную оценку человека. Хотя придумывает его, конечно, кто-то один, вопрос того приживется ли оно, решается уже коллективно, проходя тем самым проверку на соответствие существующему представлению о своем носителе, своего рода коллективную цензуру. Многие из данных им прозвищ приживались, потому что были не только остроумны, но и точны. Его веселило, когда нечто подобное случалось и с ним самим. Он со смехом рассказывал, как на одной из научных конференций, проходившей в Нальчике, не разобравшись с его фамилией, его представили как «Вилена Уарзиадиса», сделав его в одночасье греком.

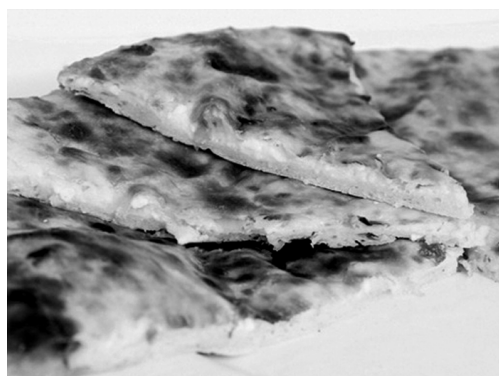
В силу своей профессии он прекрасно разбирался не только в обрядности, но и в традиционной пище, открывая присутствующим смыслы, которая она в себе несла и о которых они слушали затаив дыхание. Мука как элемент древнейшей земледельческой культуры, окультуривание различных зерновых, причины предпочтений тех или иных из них, особое место в культуре мельницы и мельника, ну и т. д.

Книга «Осетинская кухня»,
в подготовке которой участвовал
В. С. Уарзиати

Осетинский сыр

Осетинские традиционные пироги

Различия между жаренной и печеной пищей, мясные предпочтения скотоводов, изготовление сыра как важнейший способ консервации молочных продуктов, обеспечивающий их длительное хранение и пр. Вот лишь краткий перечень тех тем, вокруг которых строились его пояснения.

Как-то раз его пригласили в качестве консультанта при подготовке книги о национальной осетинской кухне, где произошел любопытный случай, служащий хорошей характеристикой общественного духа и атмосферы того времени. Когда книга была готова к печати, было организовано обсуждение с ответственными работниками обкома партии. Один из них высказал коллективу авторов замечание, что в книге недостает рецепта борща. На это Вилен парировал, что борщ является блюдом не осетинской, а украинской кухни. В ответ же услышал глубокомысленную сентенцию, которую любил время от времени вспоминать, «Но ведь осетины его едят?!». А на это уже, конечно, ничего не возразишь...

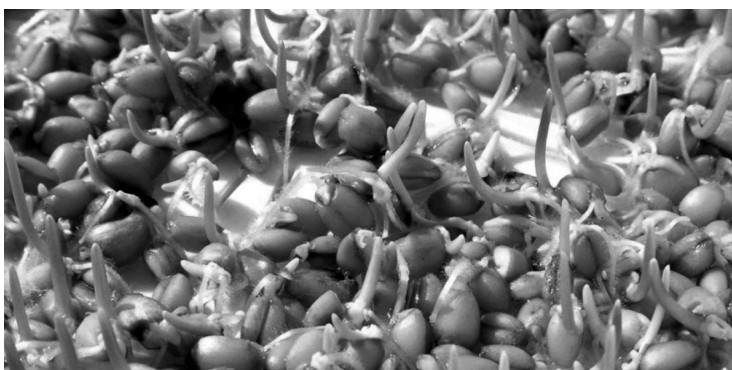
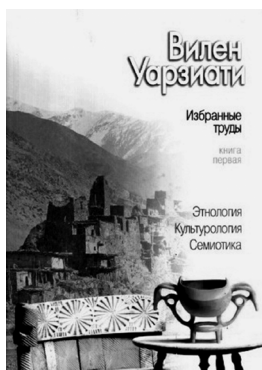
Научное наследие

Этот раздел для особо пытливых и любознательных читателей. Уже давно вышел в свет первый том его избранных трудов, который позволяет составить общее представление о богатстве и широте его научных изысканий. Недавно, благодаря усилиям его родни, было осуществлено и издание двухтомника, где большинство его работ были сведены вместе. И все же для каждого исследователя бывает что-то, особое дорогое в работах предшественника, в идеях которого он черпает вдохновение. Мне такой судьбоносной находкой представляется предложенное им соотношение между частями жертвенного животного и социальной структурой осетинского традиционного общества, сначала для наглядности разделяемого на

составные части, чтобы затем они снова были реинтегрированы в единое целое через социальное тело участников традиционного обрядового моления. Он первым из осетиноведов, вслед за выдающимся мифологом прошлого века Мирчей Элиаде, убедительно описал тот смысл, который придавался в традиции ритуально значимым частям жертвенного животного, соотнося их с определенными социальными функциями и космологическими сферами.

Рассмотрим случай, когда в качестве жертвенного животного выступает баран. Он предполагал, что его голова предстает символом сословия священнослужителей и судей, поскольку эта часть ясно указывает на умственную деятельность. Шея — символ воинов, поскольку она воплощает в себе силу (вспомним в этой связи устойчивое выражение «с бычьей шеей», то есть очень сильный, негибачаемый), а курдюк служит олицетворением касты общинников или производителей материальных благ, поскольку ясно выражает идею материального изобилия. Подобная соотнесенность задается самой традицией, где идея изобилия получает воплощение в образе жира (*сой*). Это троичное деление общества и его идеологии по сословно-кастовому принципу было предложено в свое время Жоржем Дюмезилем и получило убедительное подтверждение, по крайней мере, у народов индоиранских, то есть арийских группы, индоевропейской семьи, к которой относятся и осетины. Все три части, расположенные на одной оси, задают космологическую вертикаль, служащую становым хребтом не только общества, но и всего мироздания. Эта идея, если она получит правильное развитие, позволит, как мне представляется, существенно продвинуться в решении важнейших вопросов осетиноведения.

Другая, дорогая моему сердцу находка, заключается в выяснении чрезвычайно значимости для традиционной культуры процессов брожения, ферментации. У него есть специальная работа, посвященная пиву. Не случайно хорошо известны гимны, посвященные пиву, в которых его происхождение связывают с эпической парой Урузмага и Шатаны. При этом обращается внимание на его хмельные свойства, когда птичка, отведавшая росшу на дереве в лесу шишку хмеля, сначала стала кататься по земле, а затем казалась мертвой. Опыянение через ритуальный напиток тоже можно трактовать как состояние временной смерти, как посещение потустороннего мира, как утрата структуры, разложение. Дело в том, что для ферментированного состояния характерно отсутствие разграничения между жизнью и смертью, поскольку в нем одновременно присутствует и то, и другое. Поэтому есть достаточно оснований полагать, что ферментированный раствор является воплощением мифологического представления об изначальном

1. Первый том избранных трудов В. С. Уарзиати. 2. Проросшее зерно (*зад*), служащее основой для приготовления пивного солода

состоянии протовещества, или мирового океана, до того, как оно волею Творца было приведено к существующему порядку. Показателен в этом смысле образ проросшего зерна, из которого готовится пивной солод: умирая, зерно дает новую жизнь.

Знаменательно, что процесс ферментации оказывается основополагающим и для приготовления пирогов. Обычно для приготовления дрожжевого теста использовали пивной осадок (*цырв*), обеспечивавший закваску теста. В ход могла идти и вода из ближайшего минерального источника (*сур*), которая также обладала этими же свойствами. Но главный источником дрожжей в народной культуре, которую я наблюдал, был коровий желудок (*ахсан*). Его клали в банку с молочной сывороткой. Зрелище это было жутковатое, но таким образом народная культура обеспечивала себя бродильными бактериями, запускавшими процесс ферментации, необходимый для получения молодого, так называемого сычужного, сыра. Сычуг, собственно, и значит желудок. Я не раз был свидетелем того, как под воздействием этого раствора, добавленного в слегка теплое молоко, начинался процесс створаживания, молоко, превращаясь в сыворотку, меняло свой цвет, из белого становилось зеленовато-желтым. Эта сыворотка (*сылы*), сладковатая на вкус, служила в качестве напитка. Но постояв в прохладе несколько дней, она уже приобретала особые качества и потому называлась иначе (*хуырх*), поскольку набирала крепость и использовалась как средство народной медицины, служившее для снятия давления, улучшения пищеварения. Женщины мыли ею волосы, в некотором смысле погружались в него, в чем также можно видеть проявление своеобразной телесности, свойственной этому напитку. В процессе ловли сыра, когда из жидкого состояния вещество переходит в твердое, можно усмотреть мифологический сюжет возникновения земной тверди, суши. Это — начальный

этап космогенеза, ведущий к появлению из пучин океана Мировой горы, выступающей в качестве распорки между небом и землей.

Этих примеров, вероятно, достаточно, чтобы, хотя бы и очень поверхностно, но, все же, почувствовать внутреннюю состоятельность народной традиции, увидеть взаимосвязи между ее различными сферами, получить представление о глубине, заложенных в ней смыслов.

Жертвоприношение

Пока еще человечество, за исключением немногочисленных вегетарианцев, не отказалось от употребления мясной пищи, ежедневно, скрыто от посторонних глаз, происходит поставленный на поток убой скота, чтобы затем мы смогли купить это мясо либо в лавке на базаре, либо в ближайшем супермаркете. Уверен, что это занятие мясника, поставленное на промышленную основу, не должно выставляться напоказ, но оно так же необходимо в современной культуре, как и любой другой вид деятельности, обеспечивающий жизнедеятельность общества. Примечательно, что в традиционной культуре акт заклания животного был более гуманным по своему характеру, поскольку чаще всего носил сакральный характер. Он был освящен обрядом и входил в особые ритуальные комплексы, обеспечивающие, как представлялось, связь людей с временами первотворения и, в конечном счете, способствующими обретению ими небесной благодати. Не случайно жертвоприношение принято считать одним из важнейших способов религиозно-мифологического обновления мира: через инсценировку событий начальных времен оно обеспечивает своеобразное вхождение в ту единственную изначальную точку пространства и времени, где всегда и пребывает Создатель. Когда-то мне впервые было даровано судьбой стать его свидетелем.

Заклание жертвенного животного (*кусарт*) — ключевой элемент любого осетинского обрядового моления (*куывд*). Вокруг жертвенной пищи, помещенной на алтарный столик округлой формы (*фынг*), будет происходить впоследствии основное ритуальное действие, которое обычно начинается после обеда, поскольку требуется время на осуществление необходимых подготовительных процедур. Помню, как наш сосед, Брус (Эльбрус) Ваниев, который был непосредственным исполнителем ритуала, деликатно попытался меня удалить, но дед настоял на моем присутствии, и я могу теперь описать действие, непосредственным участником которого тогда стал. Все происходило в нашем саду, расположенном за домом, на достаточно уединенном участке, завершавшемся обрывом, который спускался к руслу Терека. Не было никого из посторонних, все происходящее было

Праздник. Худ. Зураб Мостиев

исполнено достоинства и величия, не было никакой суеты и спешки, в тишине и без лишних слов. Был один из тех ноябрьских дней, когда утром уже прохладно, но ближе к обеду появляется солнце, чтобы одарить всех своим еще сохраняющимся теплом. Воздух был густой и слегка морозный. Деревья, покрытые утренней изморозью, уже успели потерять листву, и лишь на зимней груше, уже голой, еще висели зеленые плоды. Их собирают самыми последними, чтобы они успели набрать свою сочную сладость, которой можно будет насладиться зимой, когда они обретут желтый цвет, а их твердая пока еще мякоть станет к тому времени похожа на ароматную узбекскую дыню.

Когда солнце пригрело, на оттаявших участках земли за клубился пар, и возникло странное ощущение: то ли поздняя осень, то ли ранняя весна. На деревьях с солнечной стороны изморозь тоже подтаивала и большим мокрым пятном спускалась вдоль стволов до самой земли, растекаясь на ней тоненькими струйками. Особо запоминающееся зрелище представлял собой в это время ствол вишни, на влажной коре которого становились хорошо различимы тяжелые капли летней смолы, вытекавшей из ее трещин. Они были густого янтарного цвета и, если их помять в ладони, отдавали

тонким хвойным духом. В самом темном углу сада — куст калины, голые ветки которого были обильно увешаны гроздьями красных бусин, отсвечивающих прозрачным рубиновым блеском. На небольшом участке росла кукуруза, початки которой, увенчанные пышной бородкой, свешивались вдоль голого стебля под собственной тяжестью. Это местный сорт белой кукурузы, который в наше время уже вытеснили импортные гибриды, отличающиеся большей урожайностью, но лишенные многих из тех свойств, которые необходимы для изготовления араки — крепкого ритуального напитка. В дореволюционных работах, содержащих упоминание о нем, его относили не к женскому, как принято сейчас, а к мужскому роду. Звучало более сдержанно и достойно — арак. Но приготовление его со временем стало сугубо женским занятием. Однако же, вернемся в наш сад.

Все началось с посвятительной молитвы, обращенной к Всевышнему. Затем жертвенную овечку бережно, с извинениями и уговорами, сказанными тоном виноватого просителя, медленно подвели к жертвенному столику. Дали полизать соли, что она проделала с явным удовольствием. Такова традиция, в обязательном порядке предполагающая элемент личного участия, своеобразного общения, поскольку жертва не должна быть напугана. Не случайно в осетинском фольклоре известен целый ряд сюжетов, повествующих о том, как жертвенное животное добровольно, без какого-либо принуждения, последовало за жрецом, готовившимся совершить обряд жертвоприношения. Кроме того, соль способствует меньшей свертываемости крови, и потому она вытекает быстрее, облегчая жертве ее последние минуты.

Столик, на который после этого подняли животное, был невысокий, прямоугольной формы, на четырех ножках, окрашенный в светло-голубые цвета, подобно цвету белил, которыми покрывали тогда внешние стены домов. Он был поставлен таким образом, чтобы своей головой жертва была обращена в сторону восхода солнца, то есть на восток. С правой стороны этого столика был сделан специальной желобок, служивший кровостоком, что позволяло собрать всю кровь в специально для этого подставленный тазик. По завершении кровь жертвы слили в ямку, вырытую в глубине сада под кустом калины, и засыпали землей — «похоронили». Насколько я могу судить, и соль, и кровь служили мифологическими символами того изначального состояния вещества, в котором оно пребывало до божественного присутствия Создателя. Это некая протоплазма, соляной раствор мирового океана, из которого волею Творца возникнет суша. Соль, представленная в отложениях вокруг минеральных источников горах, воплощает природное представление об этом океане, а кровь, текущая в жилах благодаря сердцу, и солоноватая на вкус, — зооморфное, то есть животное его состояние.

Важно, что оба эти раствора позволяют наблюдать переход из жидкого состояния в твердое, служат иллюстрацией идеи о том, как из пучин океана удается воздвигнуть мировую гору, разделяющую воды небесные и земные, служащую распоркой между небесами и земной твердью. Сама же жертва, безусловно, служила образом всего мироздания. Ее делили на составные части, соответствующие элементам космоса, чтобы затем интегрировать их воедино через тело социального организма, представленного участниками обряда.

Дед предварял обряд вознесением молитвы, обращенной к Создателю, а затем наблюдал за всем происходящим несколько отстраненно, хотя изредка и позволял себе какие-то замечания. Тушу подвешивали за специальный крюк, прикрепленный к одной из балок навеса, чтобы было удобно снять с нее шкуру и разделать. К тому времени уже закипала вода в двух котлах, стоявших на треногах. Под каждым был разведен огонь из обрезанных к зиме веток, росших в саду вишни, кизила и винограда, дым от которых приятно щекотал мне ноздри своими вкусными фруктовыми нотками. Один из котлов, который поменьше, предназначался для головы и ног. Они варились всегда отдельно от остальных частей туши. Их предварительно смолили, а затем скоблили, чтобы удалить последние остатки шерсти. Во второй котел, побольше, клалось мясо с костями. Отдельно готовились внутренности: сердце, легкие, печень, почки. Их могли поджарить на углях, как шашлык, но чаще жарили в большой сковороде с высокими бортами, а затем уже, вместе с частями нутряного жира (*фиу*), надевали на вертел. Голова (*сар*), шея (*бæрзæй*), лопатка с предплечьем (*базыг*), три ребра (*æртæ фарсчы*), шашлык из внутренностей, обернутых в жир (*æхсырфæмбал*), курдюк (*чъанæ, фæхсын*) — были важными элементами жертвенной пищи, наряду с пирогами, освящавшимися старшим при открытии моления. Но все это будет потом, когда будут готовы пироги с сыром (*чъиритæ / къеретæ*), а готовили их только женщины, вносящие таким образом свою лепту в этот важнейший ритуал.

Пироги и пиво

Возвращаемся к нашим праздничным приготовлениям. Мы оставили моего деда и наших соседей, мужчин, в саду, где они заняты подготовкой животной жертвы. На это уйдет несколько часов. Уже пройдя культурную обработку, то есть в вареном виде, различные части жертвенного животного определенным образом будут разложены на столе, выполняющем роль алтаря. Но, помимо них, были и другие важнейшие атрибуты традиционного обрядового моления, к числу которых следует отнести пироги и пиво,

1. Проросшее зерно. 2. Чаша с пивом. 3. Три ритуальных пирога с сыром

готовившиеся женщинами. Кроме пива, использовался и самогон домашнего приготовления, арак, возгонкой которого также занимались женщины. В некоторых случаях обходились без пива, но тогда невозможно использование чаши, которую передают младшим для причастия, — чтобы каждый из тех, кому это подходит, мог сделать небольшой глоток. Чашу наполняют только пивом и потому, в случае ее отсутствия, пригубить, а значит, и причаститься, с помощью ритуального напитка сможет только один из младших. Иными словами, в особо значимых случаях пиво необходимо.

Процесс приготовления пива достаточно трудоемкий и продолжительный. В специальной литературе он достаточно хорошо и подробно описан. Ближайшим аналогом осетинского пива может служить ирландский Гиннес, стаут. Я же запомнил ни с чем ни сравнимый запах обжариваемой на сковороде муки, необходимой для придания пиву характерного цвета и плотности. При этом клубами валит густой дым. Еще я помогал, когда пиво процеживали сквозь слой мешковины, которой были обернуты внутренние стенки плетеной из прутьев корзины. Оно бурно пенилось и стекало в заранее подготовленную емкость.

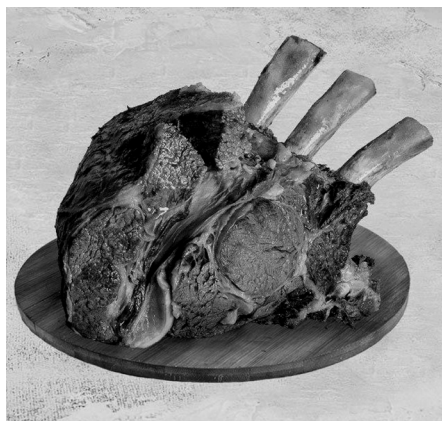
Чтобы понять значение этих атрибутов обрядового моления, следует исходить опять же из мифологического по своей природе представления о том, что занимаемое тем или иным элементом культуры место и роль определяются его происхождением, то есть функция получает обоснование через онтогенез. Вновь напомним хорошо известные гимны, посвященные пиву, в которых его происхождение связывают с эпической парой Урузмага и Шатаны. При этом обращается внимание на его хмельные свойства, когда птичка, отведавшая росшу на дереве в лесу шишку хмеля, сначала стала кататься по земле, а затем казалась мертвой. Опыянение через ритуальный напиток тоже можно трактовать как состояние временной смерти, как посещение потустороннего мира, как утрату структуры. Другой важный признак ритуального напитка это — состояние брожения, или ферментации, через которое он обязан пройти в процессе приготовления. Разница между пивом и аракой в этом смысле заключается лишь в том, что пиво не подвергается возгонке, и потому оно не такое крепкое. Кроме того, судя по

всему, для культуры также важны его темно-бурый цвет и способность бурно пениться.

Знаменательно, что процесс ферментации оказывается ключевым и для приготовления пирогов. Обычно для приготовления дрожжевого теста, как я уже писал, использовали пивной осадок (*цырв*), обеспечивавший закваску теста. Будем считать, что пиво, как и арака, готовы к молитвенному действию, поскольку они, конечно, готовились загодя. Непосредственно в день торжества пеклись лишь пироги. Замечу, что бабушка отмечала и христианскую Пасху. Она красила яйца в шелухе лука, и они приобретали коричнево-багряный цвет. При этом она говорила, что все праздники хороши (*Алы баэрагбон дэср — хорз у!*). Для нас это было лакомством и развлечением, поскольку мы бились ими, и тот, кто побеждал, получал в качестве трофея выведенное из строя «оружие» противника. Яйца ели только в одиночку, поскольку существовало поверье, что их не следует ни с кем делить. Я помню упоминавшуюся в данном случае присказку, «из-за яйца два брата поссорились» (*Айчы тыххай дыууа афсымары фахыл ысты!*). И еще бытовало выражение: «Цалынмæ зæххыл ахуырст айк нæ атула, уæдмæ уалдзæг ма зæгъ! / Не говори, что пришла весна, пока крашеное яйцо не покатится по земле!» Но до весны еще далеко, а к нам уже пришел важнейший осенний праздник, попробуем разобраться в его религиозно-мифологической сути.

Три ребра

Главным символом отмечаемого нами праздника являются три ритуальных ребра жертвенного животного. Многие из горожан, которые не могут осуществить обряд жертвоприношения в полном объеме, предполагаю-

Три ритуальных ребра

щем заклинание жертвенного животного, ограничиваются тремя бараньими или говяжьими ребрами (*артае фæрсчы*), которые они приобретают отдельно от туши. Замечу, что согласно предписаниям, необходимо чтобы ребра были из правого бока животного, то есть с той стороны, которая в традиции мыслится как благостная. В этом сокращенном, или редуцированном, виде в центре внимания неизбежно должна оказываться именно та часть жертвы, которая представляется в традиции как ключевая,

отражающая сущностные свойства как самого праздника, так и того персонажа, которому он посвящен, то есть *Уастырдж* / *Уасгерги*.

Оставлю пока за скобками вопрос о происхождении и его имени, и его календарной приуроченности, поскольку он уводит в сторону малопродуктивной, на мой взгляд, зашедшей в тупик дискуссии, каждый из участников которой считает свою точку зрения единственно верной. Более того, сам этот вопрос мне представляется далеко не первостепенным. Дело в том, что имена у подобных персонажей, как правило, являются устойчивыми эпитетами и потому нередко подвергаются изменению, смене в ходе эволюции. Мой дед, о котором я писал, имел, бесспорно, кабардинское имя, *Дахцико*, но оставался при этом вполне традиционным осетином. Предпочтение имени зачастую определяется актуальными для текущей ситуации общекультурными факторами. Примечательно, что традиция при этом сохраняет верность собственным базовым принципам имя наречения, когда ребенок получает, как в данном случае, «красивое» говорящее имя, призванное обеспечить личное благополучие и преуспевание. Сравним с ним в этом смысле такие исконно осетинские личные говорящие имена, как *Фидар* ‘сильный, могучий’, *Ахсар* ‘доблестный’ и пр. В случае же с моим дедом было важно быть понятным соседям, чтобы снять культурные перегородки и, в конечном счете, обеспечить то, что называют культурным континуумом, то есть единым, непрерывным пространством. Многие жители осетинского селения Эльхотово, где он родился и жил, знали кабардинский, хотя бы элементарный, и кабардинцы, в свою очередь, старались научиться понимать своих соседей.

Замечу также, что использование атрибута в качестве конститутивного признака образа, то есть признака, определяющего его характерные черты, представляет собой достаточно хорошо известное в этнологии явление, опирающееся на особенности мифологического сознания. Здесь важно понять, какой в них вкладывается смысл. В этом случае проясняется не только содержание образа, но и его происхождение, а также становится возможным проследить его историческую эволюцию. Об этом смысле, который придавался в традиции главным, иначе говоря, ритуально значимым частям жертвенного животного, убедительно писал В. С. Уарзиати, замечательный ученый и знаток традиции, соотнося их с определенными социальными функциями и космологическими сферами.

Напомню его основные идеи. Рассмотрим случай, когда в качестве жертвенного животного выступает баран. Он писал, что голова предстает символом сословия священнослужителей и судей, поскольку ясно указывает на умственную деятельность. Шея — символ воинов, поскольку она воплощает в себе силу (вспомним в этой связи устойчивое выражение «с

бычьей шеей», то есть очень сильный, негибачаемый), а курдюк служит олицетворением касты общинников или производителей материальных благ, поскольку четко выражает идею материального изобилия. Подобная соотнесенность задается самой традицией, где идея изобилия получает воплощение в образе жира (*сой*). Это троичное деление общества и его идеологии по сословно-кастовому принципу было предложено в свое время Жоржем Дюмезилем и получило убедительное подтверждение, по крайней мере, у народов индоиранских, то есть арийских групп индоевропейской семьи, к которой относятся и осетины.

Нельзя не отметить и того, что приведенная схема по своей природе является мифологической, мы же говорим о религиозном обряде. Однако следует отдавать себе отчет в том, что миф и религия все же представляют собой явления разного порядка. Упрощенно их особенности можно свести к следующему. Миф, по своей сути, является особым способом мышления, вырабатывающим специфические приемы концептуализирования, посредством которых делаются умопостигаемыми вселенная, общество и сам человек. Он может находить воплощение в мифологических представлениях и нарративах, то есть повествованиях. Однако он может осуществлять свою общественную роль и иначе, когда вся культура становится объектом мифологического моделирования. Религия же по своей сути метафизична и предполагает признание трансцендентного начала, как источника святости, сакральности. Однако миф и религия зачастую вступают в тесное взаимодействие, когда мифологические представления сакрализуются. В наибольшей степени подобное сплетение характерно для космогонических мифов, содержание которых предполагает соотнесенность с устройством мироздания, космоса. С этой точки зрения, голова жертвы через свое анатомическое расположение ясно соотносима с верхом, с небом, шея — с серединой, то есть землей, а курдюк — с задом или низом, что в данном случае одно и то же, или подземельем, хтоникой. А что могут с этой точки зрения означать три ребра, какую идею они воплощают, с какой зоной космоса соотнесены и какое социальное сословие представляют?

Прежде всего следует признать, что они не имеют лежащего на поверхности и самоочевидного функционального значения. Думаю, что, как элемент анатомической структуры жертвенного животного, они обозначают в чистом, отвлеченном виде саму идею троичности, соотнесенную с центральным, срединным положением космоса. Иначе говоря, они в равной степени представляют все три зоны мироздания: верх / небеса, середину / землю и низ / подземелье. Если мы теперь вспомним, что в осетинской традиции *Уастырдж* / *Уасгерги* является покровителем мужчин, путников и воинов, то у нас появятся основания для дальнейшего продвижения.

1. Крылатый конь. Скифская золотая пластина из Чертомлыкского кургана, IV в. до н. э.
2. Чудесный всадник над городом. Фотоколлаж, автор — *Свати Фарнае*

В приведенном перечне функций прежде всего выделим функцию воинскую, чтобы соотнести образ с социальным сословием. Следующей по порядку назову функцию путника, как героя, перемещающегося в пространстве. Эта роль вполне согласуется с мифологическим образом медиатора или посредника между тремя зонами мироздания. И наконец, покровительство мужчинам позволяет предполагать, что он является главным, то есть первым из них. В целом, мы получаем известный в мифологии образ первого человека — сына Неба и Земли, устроителя космического и социального порядка.

Если бы теперь троичность была обнаружена не только в ритуальной части посвященного *Уастырджи / Уасгерги* жертвенного животного, но и в самом религиозно-мифологическом образе, то мы бы получили весомый аргумент в поддержку предлагаемой интерпретации. На поверку поиски подобной троичности напрямую ведут к его хорошо известному чудесному коню — могучему Авсургу (*Афсургъ*), главной отличительной особенностью которого является трехноготь (*артакъахыг*). На конях этой породы разъезжают по просторам эпического мира некоторые видные нарты, но у них он описан как иноходец (*сирэг бах*). Сама традиция уже не знает, как трактовать этого коня и потому в сказках, где он также присутствует, его нередко называю хромым (*къуылых бах*). Речь же, вероятно, идет о том, что этот чудесный конь-гипокамп. Он способен переносить своего всадника между всеми тремя космическими зонами: благодаря своим крыльям он взмывает в небеса; с помощью двух передних ног скачет по земле; а вместо задних ног у него, судя по всему, — рыбий хвост, позволяющий ему погружаться в глубины океана. Здесь можно усмотреть очевидную связь с солярным мифом, поскольку солнце в своем дневном круговороте проходит тем же путем.

Теперь представляется возможным определить некий исходный образ, или прототип рассматриваемого нами религиозно-мифологического персонажа. Судя по всему, у скифов его звали Таргитай, у древних персов — Траэтона, у древних индийцев — Тритья. Он был известен и за рамками индоиранского мира, поскольку соответствует древнегреческому Тритону, а древнеславянский персонаж дошел до нас как Иван Третьяк. Все они воплощают уже обозначенную выше идею троичности, представленную у осетин в трех ребрах жертвенного животного и в трех ногах чудесного коня *Уастырдж* / *Уасгерги*, получающих дополнительное подтверждение в осуществляемых им функциях и по сей день приписываемых ему традицией чудесах.

Если же, к тому же, принять во внимание еще и то, что каждая мифологическая традиция ведет свое собственное летосчисление человеческой истории, то фактически он предстает прародителем всего человеческого рода, его первопродком. Вот почему в осетинской традиции его представляют глубоким старцем — чтобы показать ту глубокую архаику, из глубин которой этот образ дошел до нас во всем своем великолепии.

От мифа к религии

Если мы соглашаемся признавать троичность в качестве конститутивного признака *Уастырдж* / *Уасгерги*, как мифологического образа, то дальнейший ход наших рассуждений с неизбежностью предполагает выяснение того, как происходит его переход от мифа к религии. Следует заметить, что многие мифологические персонажи, например, герои осетинского эпоса о нартах, вовсе не в обязательном порядке становятся объектами поклонения, то есть культа, религии. Напротив, известны лишь единичные подобные случаи, являющиеся скорее редкими исключениями, каждое из которых следует рассматривать как особый случай. Типовой же путь, которым движутся герои от мифа к религии, также известен: через участие в космогенезе, то есть происхождении мироздания. Однако для этого требуется не простая соотнесенность с устройством космоса, а непосредственное участие в его разворачивании и неизбежной гибели, как завершающей фазе, готовящей начало нового цикла. В конечном же счете следует установить его отношение к Создателю, занимающему центральное место в осетинской религиозной традиции. Напомню, что один из устойчивых эпитетов Всевышнего у осетин — *Дунесканæг* («Мир создавый»). И здесь нам вновь придется вспомнить про три ребра.

Но прежде — небольшое отступление. В осетиноведении было сделано несколько попыток описания космогенеза, или мифа первотворения.

Осетинский традиционный жертвенный столик (*фынг*) и кресло старейшины дома (*къалатджын бандон*), XIX в.

Главное отличие подхода к этой проблеме, предложенного Виленом Уарзиати, заключается в выборе объекта изучения, вместо привычной опоры на нарративные тексты, представляющие осетинскую устную традицию, я предлагаю исходить из обряда, поскольку он единственный не только наделен в традиции свойством сакральности, но и обладает ею в максимальной степени. Поэтому вполне закономерно, что Акт творения был надежно реконструирован именно в основе обряда освящения жертвенной пищи, о котором я уже упоминал. Три ребра относятся к ритуально значимым частям жертвенного животного. Их отличие от прочих частей туши, служащих всего лишь едой, состоит в том, что в некие значимые моменты ритуала с ними производят определенные манипуляции. Кроме того, есть и другая примета, к ним не прикасаются руками, обычно их либо кладут на стол — алтарь, либо одевают на деревянный вертел, обычно из березового прута.

Вновь замечу, что разделка жертвенного животного на части означает в мифологическом смысле дезинтеграцию мироздания на составные элементы, с тем чтобы во время обряда заново восстановить существующий миропорядок, но уже не в анатомическом, а в социальном аспекте, через участников обряда, образующих в своей совокупности тело единого социального организма. При этом для понимания этого перехода от анатомии к обществу и вселенной фундаментальный характер носит существующее в мифологии хорошо известное правило изоморфизма макро-, мезо- и микрокосма. Оно предполагает структурное тождество мироздания, общества и человека или животного. Иначе говоря, анатомическое устройство

Открытие обрядового моления (*куывд*) у башни Байматовых, селение Даргавс.

Фото начала XX в.

жертвы соответствует по своей структуре представлению об устройстве мироздания и общества, из чего следует, что различные ее части могут быть соотнесены с их составными частями. В основе предлагаемой интерпретации лежит известный в мифологии изоморфизм микро-, мезо- и макрокосма. Задача, таким образом, заключается в том, чтобы одномоментному акту придать характер развернутого в пространстве и времени сюжета с неким заданным составом участников.

А теперь, чтобы продвигаться дальше, нужно опять вспомнить, что в этнологии установлено, что всякий обряд возвращает в начальные времена первотворения и служит своеобразной инсценировкой произошедших тогда событий. Из этого следует, что участники обряда, воспроизводя его церемониал и порядок действий, усвоенный ими путем непосредственного участия и повторения увиденного, оказываются невольными и бессознательными исполнителями определенных ритуальных ролей. Именно участникам обряда следует отвести решающую роль в реконструкции сценария космогенеза осетинской традиции. Дело в том, что именно ими произносятся молитвословия, используются атрибуты обряда, совершаются определенные ритуальные действия. При этом все присутствующие во время исполнения обряда, будучи полноправными его участниками, все

же делятся на несколько категорий, которые четко обозначены иерархически. Можно указать на следующие основные группы: первая — трое старших, вторая — трое младших, третья — прочие участники, разместившиеся за столом, четвертая — обслуживающий персонал. Основные участники — трое старших, с которых и начнем. Необходимо принять во внимание критерии их отбора, права и обязанности, полномочия, используемые ими атрибуты и содержание произносимых ими молитвословий. Наконец, обряд имеет свои пространственные и временные параметры, с которыми его участники также непосредственно связаны по месту и старшинству. С учетом всего вышеизложенного представляется возможным достаточно надежно восстановить полный космогонический цикл, лежащий в основе осетинской религиозно-мифологической традиции и тем самым определить место, занимаемое в нем главным героем разбираемого мною праздника.

Участники космогонического цикла

Нынешний праздник может быть по праву отнесен к разряду Великих, поскольку его празднование длится не менее недели, а в прошлом, что весьма вероятно, охватывало целый месяц. Началом ему служил вечер воскресенья, поскольку у осетин именно вечер является началом новых суток. Иначе говоря, вечер воскресенья в традиции относят уже к следующему дню, то есть понедельнику, с которого и берет свое начало новая неделя.

Осетинский обрядовый пир. Фото

Эта временная приуроченность праздника, его жесткая привязка к временным циклам, годовому, суточному и недельному, вполне обоснована, поскольку служит средством не только актуализации космогенеза, но и его экспликации через состав участников обрядового моления. Замечу, что во все не случайно помимо сугубо светского, бытового наименования дней недели, существует также и их божественное перечисление. Если теперь допустить, что неделя в развернутом виде излагает миф первотворения, то его содержание, выражаемое через святых покровителей каждого из ее дней, может быть организовано в несомненный космогонический цикл.

Примечательно, что *Хуыцау-бон* — воскресенье, буквально «Божий день», занимает в недельном цикле обособленное место. Это день, когда возникает сама идея, замысел создания Вселенной, он воплощает идеальное представление о творении. Именно *хуыцаубон* считался наиболее благоприятным для различного рода празднеств. В этот день каждой семьей обязательно пеклись и освящались три пирога, отмечались праздники, свадьбы. По сути это — сакральный центр духовной жизни осетин. Последующий же недельный цикл — материальное воплощение идеи Творца, но уже руками Им же Самим созданных небесных духов и сил (*зæдтæ æмæ дауджытæ*). В начале обрядового моления, когда трое старших освящают жертвенную пищу, Всевышнего еще нет среди участников. Об этом свидетельствуют три ритуальных пирога, смещенных относительно своей центральной оси. Это образ скатывания к хаосу, изогнутая, искривленная вертикальная ось, препятствующая общению с Небом. Обнажив головы в знак особого к Нему почтения, они призывают Его почтить свои присутствием проводимое ими моление. Знаменательно, что лишь первый старший может дать команду к их смещению, поскольку изначально они стоят в правильной стопке. И делает он это непосредственно перед тем, как начать посвятельную молитву, чтобы предельно сократить продолжительность этого момента энтропии и, вместе с тем, ослабить его обращением за помощью к Создателю.

Первый день недели, понедельник — день *Уацилла / Елиа*. Это — небесный дух, ведающий громом и молнией, воплощенная грозовая водная стихия. Лишенная формы и структуры, изначальная водная субстанция начинает приобретать порядок. Наступает первый этап космогенеза. Молния обозначает вертикальную составляющую и разделяет: верх (тучи) / низ (океан). Проблески молнии также освещают пространство, а гром наполняет его звуком. С этим святым также связано представление о мировой горе, *Тбау-хох*, где расположено его главное святилище. Мировая гора выступает в роли распорки между Небом и Землей, подпирающей небеса и препятствующей их падению вниз. В этом образе выступает первый старший,

1. Обряд *Цоптай*, исполняемый вокруг убитого молнией. Худ. Махарбек Туганов.

2. Покровитель путников. Худ. Инал Джуссов. 3. *Басты Мад*.

Скульптор Сосланбек Едзиев

поскольку при его отборе исходят, главным образом, из его знания церемониала и личного авторитета в обществе. Ему же достается *базыг* ‘лопатка с предплечьем, крыло’ соотносимая с Небом и с сословием священнослужителей. Чаша с пивом, ферментированным по своей природе напитком, символизирует мировой океан, который следует привести к надлежащему порядку. Тучи, то есть небесные реки, станут пресными, а воды земные, минеральные источники и моря, останутся солоноватыми, не утрачивая связь с изначальными мировыми водами.

Второй день недели — *Уастырджийы-бон*. *Уастырджы* / *Уасгерги* представляется покровителем мужчин, всадником на чудесном белом коне. Он — солярный герой. Он создает между верхней и нижней зонами мироздания, тучами и океаном, средний мир — мир людей. Он же — первый человек, он — существо двойной природы: земной и божественной, сын Неба и Земли / Океана. Он же создает и социальный порядок. Четыре стороны света, обозначаемые в горизонтальной проекции, следует соотносить с четырьмя фазами солнца: восход, зенит, закат и ночь, пребывание Солнца на том свете. Покровитель путников и воинов. В этой роли выступает второй старший, право стать которым обычно предоставляется одному, самому уважаемому и авторитетному, из гостей. Три ребра, соотносимые со средней зоной мироздания и сословием воинов, достаются второму старшему. Его место — по правую руку от старшего, это направление в традиции маркируется как *мужское* и *благостное*.

Среда — *Бынатыхицауы-бон*. *Бынатыхицау* / *Бундор* — властитель, господин места, жилья. О нем известно, что он может принимать различный облик: представляться мальчиком, уродливой женщиной с клыками, белым барашком и т. п., но видеть его могут только знахари в ночь под Новый год. Его покровительство испрашивается при свадебном обряде

невесты, которая, уходя из дома, переходит к покровительству домового семьи своего мужа и тем самым может разгневать патрона родительского дома. *Бынатыхицау* ближе других духов к женщинам, как это видно из того, что им не запрещено произносить его имя, между тем как всех остальных духов они должны называть не их настоящими именами, а условными, описательными. В традиционном жилище местом обитания патрона жилья определен либо приочажный камень (*кьона*), либо кладовая (*кьабци*). С ним связано создание жилища с очагом, возникновение отдельной большой, то есть патриархальной семьи — *бинонта*. Он же — покровитель общинников, земледельцев и скотоводов, производителей материальных благ, завершает трехчастную вертикальную ось. Обычно третьим старшим бывает глава, принимающей стороны, хозяин дома (*фысым*). Достающийся ему шашлык из внутренностей, наделенный вегетативными функциями, указывает на покровительствуемое им. Его место — по левую руку от старшего, это направление в традиции отмечается как *женское* и *менее благостное*.

В результате посвячительной молитвы трех старших собравшиеся, и в их лице весь социум, обретают царя, который, согласно индоиранской религиозно-мифологической традиции, воплощает в себе весь космос и все общество. Царем становится тот, кто сядет в кресло, выступающее в качестве его трона. Ему же достаются те части жертвенного животного, которые уже расположены на столе, это атрибуты, выполняющие роль своеобразных инсигний, особых знаков его верховной власти. Считается проявлением невоспитанности и дурного тона, предлагать старшему отведать что-либо из находящегося на столе. Теперь понятно, на чем основан подобный запрет: он обладает приоритетным правом на все, что находится перед ним. На его ведущую роль как первосвященника указывает обладание им головой жертвенного животного. Особого упоминания заслуживает то, что ближе к концу обряда младшие возвращают старшему лопатку жертвенного животного, но уже чистую, освобожденную от мяса. Он берет ее в руки и внимательно вглядываясь в ее очертания и расположенные на ней пятна и изгибы, объявляет, какое будущее ожидает общество. Так сводятся вместе прошлое, воплощенное в старшем, и грядущее, олицетворением которого выступает молодежь. Будущее постигается при обращении в прошлое. Воинский аспект образа старшего находит воплощение в его праве на *шею* (*бэрзэй*), а связь с общинниками находит выражается через курдюк (*чьанэ, фэхсын*), который также располагается на столе. Только по его распоряжению, уже ближе к концу обряда, правое ухо головы жертвенного животного будет отправлено младшим. Царь таким образом делит свои владения между тремя сыновьями, точно, как в скифской традиции делал, согласно Геродоту, Таргитай.

Теперь переходим от вертикальной плоскости к горизонтальной, к трем младшим, занимающим конец праздничного стола и представляющим собой зеркальное отражение трех старших. С ними могут быть соотнесены следующие дни недели.

Мыкалгабырты (Микалгабурти)-бон — четверг. В этот день отмечали праздник *Мыкалгабыртæ*, являющийся царским культом рода *Цæразонтæ*. Пара *Мыкал* и *Габыр* открывает горизонтальную проекцию космологической модели *восток* и *запад*, разграничивает *тот* (потусторонний) и *этот* миры, разделяет Космос на *культуру* и *природу*. *Мыкал* и *Габыр* (близнечный мотив) стоят на страже рубежей культурного мира, на границе с хтониной, откуда явствует все материальное благополучие. Таких стражей сторон света еще называют локопалами. В этот день могли отмечаться праздники и прочих святых, а также происходило поминание предков.

А дальше — пятница, *Майрæм-бон*. Топографическое расположение — на границе культурного мира, поселения. Женщинам в этот день нельзя заниматься домашними делами. Им предписан полный отдых чтобы обеспечить воспроизводство человеческого рода. Известны любопытные этнографические описания, связанные с этим образом. Так, нередко большой камень около селений носил название *Мад Майрæм* и к нему водили молодую при брачном обряде. Приближаясь к священному камню, мальчики бросали в него камнями и пулями, восклицая при этом: «Вот столько мальчиков (сколько камней или пуль) и одну синеокою девочку подай, Майрам, нашей доброй невестке!». Женщинам было запрещено исполнять даже самую легкую работу по дому, в том числе и шить. В этом запрете можно видеть стремление обеспечить наиболее благоприятные условия для зачатия потомства и подготовку к приему супруга ночью.

Покровителем субботы вполне мог быть *Тутыр*. В пользу подобного предположения свидетельствует в том числе и то важное место, которое отводится этому святому в осетинской календарной обрядности. В этот день оказывалась общественная помощь (*зиу*) и проводились годовые поминки. Он символизировал в традиционном сознании истощение мира, приближение к его концу и — одновременно — к началу нового цикла: двойственность, объединяющая полюса; разрушение мира в результате мирового пожара, возвращающего его в исходное влажное состояние. Это — самый младший, сидящий в самом конце стола. Его главная задача — оповещать старшего о том, что его тост достиг и его. Обычно произносится фраза: «*Сидт кæронмæ бахæцца ис!* / Тост дошел до конца!»

Итак, миф первотворения, актуализируемый обрядом, может быть схематично развернут в следующую последовательность. Замысел творения как идея, исходящая от Создателя. Воплощение творения путем

Открытие общественных танцев (*хъаст*) у Башни Мамсуровых на площади сельских собраний (*ныхас*) в с. Даргавс. Фото начала XX в.

придания структуры водной стихии, мировым водам. Вода по своим свойствам наиболее близка к представлению об отсутствии формы, аморфности. Орудием творения, преобразующим водяную «протоплазму», выступает огонь. Первым в дело вступает громовержец — *Уацилла / Елиа*. Он отделяет воды небесные (тучи) от вод земных (океан). Он творит с помощью молнии (мировой столп). Следом создание суши, вторая космическая зона. Солнце. *Уастырджы / Усгерги*. Затем — патриархальная семья, создаваемая вокруг очага. *Бынатыхицау / Бундор*. Так возникают три космические вертикальные зоны, соотнесенные с тремя огнями: небесным (молния), земным (солнце) и подземным (очаг). В горизонтальной проекции на рубеже между миром людей и природой четыре стража, охранители и податели духовных и материальных благ, маркирующие собой стороны света. *Мыкалгабыртæ / Микалгабуртæ* занимают рубежи на Востоке и Западе. Для близнечной пары часто характерно выяснение первородства, старшинства. Как видим в обряде, деление старшие / младшие проходит по оси Восток / Запад. На Востоке — *Мыкал*, на Западе — *Габыр*, на Севере — *Мады Майраем*. (Родительский дом для вышедшей замуж девушки по-осетински так и называется *цагат* ‘север’.) На Юге же — *Тутыр*, мировой пожар,

подготовка к новому творению, день поминовения мертвых, общественные помочи, как форма участия человека в удержании социума от скатывания в изначальное бесформенное состояние хаоса.

Этот же состав действующих лиц, обеспечивающих космогенез, ясно просматривается в числе участников обрядового моления. Насколько части жертвенного животного соотносимы с представлением об устройстве мироздания, настолько же они повторяют и устройство общества. Обрядовое моление завершалось общественными танцами, где, судя по всему, те же мифологические участники космогенеза получали хореографическое воплощение в образах и сюжетах народных танцев. Таким образом, в наглядной и доходчивой форме содержание базового мифа воспроизводилось в массовом и эмоционально отмеченном виде.

Образ и его имя

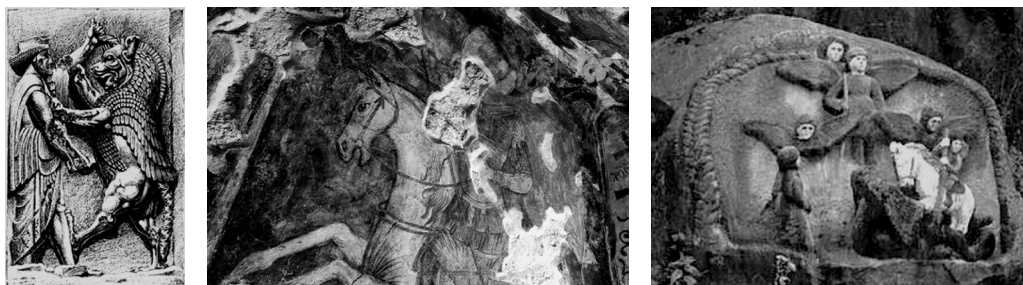
Каждый раз во время этого праздника я вспоминаю и Василия Ивановича Абаева. На одном из занятий нашего древнеперсидского семинара он рассказал нам историю, которая произошла с ним на Международном конгрессе востоковедов, проходившем в Москве в 1960 году. Он выступал там с докладом, посвященным дохристианской религии алан, и не смог уложиться в отведенное для всех докладчиков время. Когда председательствующим ему было указано на то, что пора закругляться, стало ясно, что ему требуется еще дополнительное время. Тут он решил проявить смекалку и в ответ на замечание заявил, что в Осетии, в том случае, когда мужчина попадает в затруднительное положение, он обращается за помощью к покровителю путников и воинов, Уастырджи. «И я тогда произнес, как и следовало, — добавил он, — *Йе, Уастырджи, ахъазгæнæг у!* / О, Уастырджи, приди на помощь!» И больше никто из присутствующих о регламенте не вспоминал, так что ему удалось благополучно и в полном объеме довести до присутствующих содержание своего доклада.

Таково бытующее и по сей день среди осетин представление осетин о силе воздействия этого образа, одного упоминания которого в некоторых случаях оказывается достаточно, чтобы спасти положение. И тот главный вопрос, относительно его имени, вокруг которого до сих пор не утихают споры, может быть правильно решен лишь с учетом духа и буквы посвященного ему культа. Думаю, что решение не может быть сугубо рациональным, оно не может быть найдено, если не заручиться поддержкой того, чей образ является объектом научного изучения. Лучший способ приблизиться к нему — через посвященные ему празднества, открывая при этом не только свой ум, но и сердце.

Для меня самого именно в течение этой праздничной недели стало ясно то, что прежде было скрыто пеленой неведения: ключом к пониманию образа *Уастырдж* / *Уасгерги* являются три ритуальных ребра из правого бока жертвенного животного, поскольку они фактически выступают в качестве символа праздника. Не случайно именно они оказываются в первую очередь на слуху во время его празднеств. Эти три ребра ясно указывают на известный в мифологии мотив троичности, повторяющийся, помимо названного атрибута, также и в трехногости его чудесного коня — Афсурга. В итоге, можно предполагать генетическое тождество этого осетинского религиозно-мифологического образа с такими известными персонажами индоиранской религиозно-мифологической традиции как скифский Таргитай, древнеперсидский Траэтона, древнеиндийский Тритья и пр.

Эта версия получает существенное подтверждение еще в одном элементе праздничных мероприятий, который пока еще не получил должной оценки, хотя играет весьма важную роль для понимания не только происхождения образа, но также его исторической эволюции и обстоятельств обретения им того имени, под которым он нам известен: *Уас-Тырдж* / *Уас-Герги*. Дело в том, что для недельных торжеств в его честь характерно обязательное заклание быка, которое проводится в воскресенье вечером (*галаргавдан*), являющееся для традиции, как я уже отмечал, вечером понедельника, открывающее недельные празднования. Само по себе подобное заклание хорошо известно традиции и в нем бы не было ничего особо примечательного, если бы не отведенное для него время — вечер (*изар*). Это единственный, известный мне случай, когда традиция санкционирует приуроченность некоего обряда к вечернему периоду суточного цикла. Во всех прочих случаях подобный обряд принято проводить только в первой половине дня.

Исходя из этого, не составит труда построить наши дальнейшие рассуждения. В мифологии бык связан с мировыми водами, поскольку известна его любовь к водной стихии, и с луной, серп которой воспроизводят его рога. Здесь следует принять во внимание следующее обстоятельство. Известно, что традиция не исключает привлечение для исполнения обряда ничего, что не прошло предварительной культурной обработки, так в обряде не может использоваться сырая пища или мясо диких животных. В связи с этим, в обряде вечернего заклания быка, можно видеть инсценировку известного в авестийской традиции поединка Траэтаны с чудовищем Ажи-Дахаком, выступающим олицетворением лжи, уродства, тьмы, холода, старости и прочих бед, с которыми сталкивается лицом к лицу все общество, культурным заместителем которого выступает бык. В. Н. Топоров, один из крупнейших знатоков индоевропейской мифологии, считал мотив

1. Древнеперсидский царь (вероятно, Ксеркс или Артаксеркс) повергает чудовище, воплощающее хаос и ложь. *Настенное изображение, Персеполис.*
2. «Чудо св. Георгия». *Фреска из средневекового Нузальского храма. Северная Осетия, XIV в.*
3. Барельеф Сосланбека Едзиева на камне со следами от удара меча Уастырджи. *Северная Осетия, с. Синдикау*

поединка героя с чудовищем базовым, или основным. Более того, он полагал, что фраза «герой побеждает чудовище» могла быть исходной для развития, в том числе, и всей устно-эпической традиции индоевропейцев. В качестве иллюстрации этого мифа и в подтверждение его удивительной исторической живучести можно привести испанскую корриду, в основе которой он достаточно ясно распознается.

Теперь становится понятно произошедшее в Средние века замещение одного имени другим. Действительно, В. И. Абаевым уже давно, с опорой на Вс. Ф. Миллера, было предложено связывать образ осетинского *Уастырджи* / *Уасгерги* с раннехристианским мучеником за веру святым Георгием. Решающее значение для подобного сопоставления приобретает его имя, исходной формой для которого служит при этом дигорская диалектная версия *Уас-герги*, которая восходит к тому же источнику, что и мегрельский *Gerge* 'Св. Георгий', и сванский *Gërgi* 'Георгий'. Сюда же примыкает абхазское имя громового божества *Ajergî*. Иронская же форма *Уас-тырдж*, как полагал В. И. Абаев, происходит из *Уас-джырдж*, которая возникает вполне закономерно в результате утраты сибилляции одной из двух аффрикат после глухого с-. Приведенное объяснение может быть дополнительно указанием на имевшую место палатализацию, которая привела к возникновению аффрикат, первая из которых претерпела оглушение, последовавшее за опрощением ее. Связь с абхазской, мегрельской и сванской формами указывает на путь его проникновения к аланам, через Лазику, территорию современной Абхазии, бывшую одним из центров распространения христианства на Кавказе в раннесредневековый период. В отличие от современного состояния в раннем средневековье все названные народы непосредственно контактировали друг с другом. Приведенная трактовка,

несмотря на спорадически предпринимаемые попытки ее пересмотра, представляется наиболее убедительной из всех существующих.

При взаимодействии с христианством аланская традиция, как и их потомки осетины сегодня, решала задачу глобализации и модернизации. Вхождение в византийское цивилизационное пространство позволяло ей синхронизировать уровень культурно-исторического развития своего общества с общемировыми процессами. В числе прочих аспектов этого взаимодействия был и духовный, предполагавший гармонизацию собственной, самобытной, этнокультурной традиции с универсальной, мировой, представленной христианством. Для своего ключевого культового персонажа в христианстве аланами был подобран двойник, что вместе с тем служило дополнительным подтверждением возможности успешного взаимодействия с Византией периода правления Юстиниана. В этой роли выступил раннехристианский мученик, к тому времени уже причисленный к лику святых. Так для уже существующего в аланской традиции персонажа с ясным религиозно-мифологическим амплуа был определен религиозно-исторический аналог. К числу важнейших параметров схождения двух персонажей я бы отнес в первую очередь его двойственную природу, предполагающую совмещение двух взаимоисключающих начал — земного / человеческого и небесного / божественного. Далее следует указать на сюжет поединка с чудовищем, хорошо известный христианской апокрифической традиции, и его несомненную связь с воинским сословием. Отсюда — его

Уастырджи. Коллаж, сделанный на основе картины
Юрия Дзантиева и Эльбруса Саккаева

роль посредника между космическими зонами, роль устроителя природного и социального космоса. При этом святой Георгий был лишен необходимого мотива троичности, что удалось компенсировать с помощью чудесного трехногого коня, на которого он был посажен. Для еще большей убедительности его адаптация сопровождалась переодеванием в белую бурку и вручением ему в качестве характерного атрибута чудесной войлочной плети (*нймаэтын ехс*).

Таким образом, переход произошел лишь в лингвистической области. Эта смена имени обеспечила не только преемственность, но фактически привела к сохранению самого архаического образа и его солярного культа, хотя бы и с потерями, но все же благополучно дошедшего до сегодняшнего дня.

Приуроченность праздника

Обычно при подготовке к празднику в центре внимания оказывается вопрос о том-последней или предпоследней неделе ноября отдать предпочтение при выборе даты. Между тем речь, скорее, должна идти о его приуроченности, то есть выяснении того, почему он должен отмечаться именно в то или иное время. Имя главного героя праздника, а также его устойчивая соотнесенность со второй половиной ноября не оставляют сомнений в том, что дата праздника обусловлена его привязкой к отмечаемому в последнюю неделю осени православной церковью мученичеству святого Георгия. Поскольку и сам герой религиозно-исторический, постольку и дата его праздника должна была носить конкретный исторический характер. Она известна, это — вторник последней недели ноября. Эта дата и служит точкой привязки. Однако следует отдавать себе отчет в том, что в рамках осетинской религиозно-мифологической традиции датировка мученичества, как и сам повод, были переосмыслены. При этом для их адаптации ключевую роль приобрела, по-видимому, изначально существовавшая соотнесенность устроителя природного и социального космоса с солярным мифом, связанным, например, с именем скифского Таргитая. Основой для подобного отождествления двух персонажей стал образ колеса, хорошо известный в мировой мифологии в качестве солярного символа. Этот религиозно-исторический аспект праздника оказался превалирующим по отношению к религиозно-мифологическому, даже после того, как была утрачена связь с православной традицией. Таким образом, космологическая привязка к годовому циклу не стала определяющей. В противном случае праздник *Уастырджы / Уасгерги* был бы сдвинут непосредственно к Рождеству, когда, образно выражаясь, солнце умирает. Но этого не могло произойти,

Мученичество св. Георгия. Колесование. Фреска. Сербия, Дечаны. XIV в.

поскольку в этом случае была бы неизбежна смена главного героя. В результате, был достигнут требуемый компромисс между своей этнокультурной, самобытной традицией и традицией универсальной, имеющей глобальное распространение.

Вот здесь и возникает главная сложность, поскольку следует аккуратно свести воедино два начала, представляющиеся на первый взгляд взаимоисключающими и-разнородными. Иначе говоря, христианство должно дать исторический ключ к решению мифологических проблем осетинской духовной традиции. Но и эта проблема имеет свое решение. То, что нам — нередко в силу узости нашего мышления — представляется несовместимым, на самом деле может и не быть таковым. Что общего между кругом и треугольником, могут ли они быть соположимы, приведены к общему знаменателю? Могут, если отказаться от их плоскостного рассмотрения и перейти к объемным фигурам. По сути, это всего лишь две проекции конуса на плоскость: вид сверху — круг, вид сбоку — треугольник, а вместе, приобретая объем, они образуют единую в своей полноте объемную фигуру. Так, по-видимому, происходит и в данном случае.

В завершение нельзя не отдать должное широте мышления наших предков, их мудрости и дальновидности, их способности с достоинством выходить из самых сложных ситуаций, давая адекватные ответы на вызовы своего времени. Следует полагать, что именно по этой причине в унаследованной нами от них духовной традиции *Уастырджы* / *Уасгерги* называют *Аргом дзуар* «Открытый святой», подразумевая под этим то, что он нередко, хотя и в разных обличьях, но все же является людям, не оставляя их своей заботой. Религиозное сознание, в отличие от материалистического, вполне допускает, что он, подобно солнцу, являл себя в различные исторические периоды и разным народам, в том случае, если они сохраняли веру в чудо, а не пытались все, подобно пушкинскому Сольери, «поверить алгеброй гармонию». Теперь наша очередь выбрать такой путь, чтобы и нас он не обошел своим покровительством.

Осетинское двухголосие

Вилен был прекрасным рассказчиком. Одна из таких историй отложилась в моей памяти, потому что оказалась созвучна моему собственному опыту. Я заметил, что люди, которые ежедневно и к тому же на протяжении достаточно долгого периода времени присутствуют в нашей жизни, начинают невольно казаться нам похожими на нас самих. Ведь само их пребывание в непосредственной близости представляется нам не случайным стечением обстоятельств, а неким закономерным следствием нашей, если не одинаковости, то уж, по крайней мере, определенной схожести. Однако мы не можем вечно прибывать в подобном заблуждении, поскольку люди все-таки внутренне очень разные. Рано или поздно возникает ситуация, которая все проявляет в истинном свете и пропасть, разверстывающаяся в этот момент под ногами, вдруг пугает своей бездонной глубиной и очевидной невозможностью своего преодоления. Приведу пример, который всякий раз приходит мне на ум в подобных ситуациях, которые с годами, признаюсь, случаются все чаще.

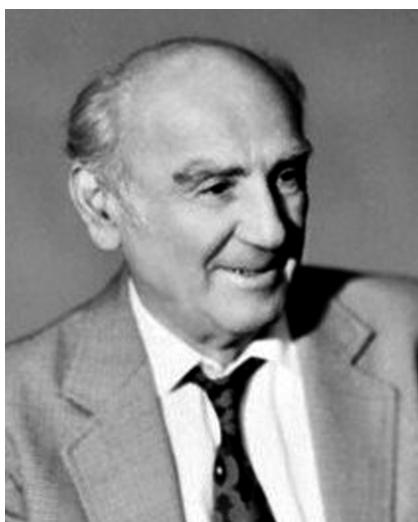
Итак, в начале 90-х годов прошлого века я непродолжительное время работал сотрудником в местном научно-исследовательском институте, где тогда же работал и Вилен. Помимо всего прочего я вынес из этого опыта и продолжаю с тех пор бережно хранить несколько удивительных по своей внутренней драматургии, весьма поучительных и к тому же, забавных историй, рассказанных им. Героем одной из них был Дудар Соломонович Хаханов — один из крупнейших осетинских композиторов, автор многочисленных опер, кантат, балетов и пр. В его биографии отмечается, что с 1975 по 1988 год он был старшим научным сотрудником Северо-Осетинского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики, того самого, куда позже попал и я. Его самого я уже не застал, но услышал передававшуюся из уст в уста следующую байку.

Главным направлением его научной деятельности было изучение осетинского музыкального фольклора, служившего для него важным источником творческого вдохновения. К тому времени он уже имел и соответствующую научную степень. На одном из заседаний ученого совета института он выступал с докладом, в котором излагал результаты своих наблюдений и в числе прочего заметил, что одной из характерных особенностей осетинского народного мелоса следует считать всем хорошо известное двухголосое пение. Оказалось, что именно эта подробность привлекла к себе внимание одного из членов ученого совета. Тот работал в отделе экономики, куда попал уже в зрелые годы после того, как вышел на пенсию, если не ошибаюсь, с должности начальника планового отдела одного из крупных

промышленных предприятий республики. После завершения доклада, когда перешли к его обсуждению, он решил прояснить для себя положение, которое представлялось ему не вполне самоочевидным. В мою бытность он продолжал еще работать в институте и потому я знаю, что он был человеком, безусловно, достойным и уважаемым, он был очень сдержан в проявлении своих эмоций, а в его движениях сквозили степенность и достоинство. Я даже думаю, что он был человеком доброжелательным, что было, в целом, характерно для представителей его поколения.

Он обратился к докладчику с одним единственным вопросом, сводящимся к тому, во всех ли случаях можно говорить о двухголосии, или же это в обязательном порядке предполагает состав, ограничивающийся именно двумя участниками. Последовавший ответ его разочаровал, поскольку было сказано, что независимо от количества исполнителей осетинское народное хоровое пение должно быть определено именно как двухголосие. Для человека, всю жизнь привыкшего иметь дело с цифрами, подобное упорство казалось сумасбродством. Он решил сделать свой вопрос более наглядным, чтобы разъяснить недоразумение, в том числе, и для товарищей по ученому совету. «Ну, а допустим, если станем петь не только мы с тобой, Дудар, вдвоем, а к нам присоединится кто-то еще?» — тут он назвал по имени сидевшего рядом. «А как быть тогда?» — поинтересовался он, уверенный в своей безоговорочной победе. Последовал прежний ответ. Тогда он провел своеобразную переключку, перечислять поочередно всех, кто присутствовал на заседании и повторяя свой вопрос. Всякий раз следовал тот же ответ: «Все равно, двухголосие!» — продолжал настаивать на

1. Дудар Хаханов. 2. Мужской хор героической песни

своим уже растерявшим последние остатки терпения Дудар Хаханов. Когда ссылаться было уже не на кого, смущенный и раздосадованный нежеланием присутствующих разделить его очевидную правоту он сел, а композитор, говорят, еще некоторое время продолжал по инерции повторять: «Все равно, двухголосие, все равно!».

Приведенный пример, как мне кажется, служит убедительной иллюстрацией тому очевидному обстоятельству, что мы слышим по-разному, потому что используем для этого не уши, а голову, точнее те представления, которые в ней уже успели прочно укорениться. Новые идеи неизбежно пугают нас своей непредсказуемостью и необходимостью пересмотра того, что уже успело свить себе уютное гнездышко в нашем сером веществе, удивительным образом напоминающем по своему внешнему виду очищенный от скорлупы грецкий орех. Остается только надеяться, что при всем внешнем сходстве наш мозг устроен, все-таки, иначе. Но здесь я еще вижу и проявление осетинского национального характера, обусловленного таким свойством традиционной культуры как агональность, или соревновательность: все хотят быть солистами, и никак не соглашаются на вторую роль, в самом крайнем случае, согласны петь лишь в общем хоре. Не всегда наши ожидания совпадают с тем, как устроена наша жизнь и каково отведенное в ней нам место, увы.

Ласточка

Последняя из наших обстоятельных и запомнившихся встреч произошла зимой. Я случайно встретил Вилену, когда возвращался с работы, а он в ранних зимних сумерках вышел на прогулку. Недолго думая, я позвал его в гости. Так мы оказались с ним вдвоем в дедовском доме у камина. Он рассказывал о своей поездке в Европу. Его больше всего вдохновило чувство свободы, возможность установить связи с коллегами, новая информация, которую он там почерпнул. Он упомянул и эпизод, когда один из историков публично выбросил свой заранее подготовленный доклад, потому что в результате поездки ему стало очевидно, насколько его положения отстают от современного уровня знания, достигнутого европейской наукой. За окном в вечерней тьме беззвучно падал снег, в камине ярко полыхал огонь, и его с гулом затягивало в трубу, а языки пламени отражались рубиновым светом в бокалах домашнего красного вина. Вилен источал удовольствие и радость жизни.

Я тогда вспомнил известную историю о крещении англосаксов. Все происходило в конце VI века, когда ко двору кентского короля Этельберта прибыла папская миссия во главе с Августином. Устное предание гласит,

что прибывшие в течение месяца рассказывали королю о преимуществах новой веры, когда же тот обратился к своим советникам, то один из них ему рассказал историю о ласточке, залетевшей из тьмы ночи в пиршественные палаты. Он сказал, что людям дано наблюдать лишь ее краткий полет, но им не ведомо, ни откуда она прилетела, ни куда полетит затем. Это, собственно, и есть человеческая жизнь, краткий миг, который длится полет ласточки в царских чертогах. Эта беспомощность человека перед миром, в который он приходит, и неспособность постичь тайну смерти убедила короля дать свое согласие. В заключении я сказал, что мне кажется, что эта ласточка должна была бы залететь и к нам, потому что она пришлась бы весьма кстати, к месту.

Ласточка пьет налету воду

Было видно, что это все пришлось ему по душе. В ответ, как бы развивая предложенную тему, он посоветовал мне вспомнить известное стихотворение Коста Хетагурова, также посвященное ласточке. Ниже я привожу его целиком.

*Зарватыкк — аенахъыг,
Анамаст царæг!
Дæ зарæг — нæ дарæг,
Нæ уалдзæггæнæг!*

Ты с песней чудесной
Веселой золотой
Веселье в ущелье
Приносишь с собой.

*Хъалдзæггæй, æвзыгъдæй
Фæхæтай фæрнæй
Нæ хæхты, нæ бæсты,
Æлдар кæмæн нæй!*

Так пой на просторе,
Над скалами рей,
Не ведая горя,
Нужды и князей.

(Перевод П. Семьнина)

В этом стихотворении всего лишь два четверостишья, но оно насыщено поэтическими образами и символами. Главное, на что хотел указать Вилен, заключается, по-видимому, в том, что за зимою, временем испытаний и тягот, всегда неизбежно наступает долгожданная весна, о приходе которой нас и оповещает щебетание ласточки. А ее радостный и стремительный полет не допускает над собой ничьей власти, поскольку лишь в этой свободе обретают небесную благодать и счастье. Все так, теперь можно поставить и финальную точку. Будем верить, что в урочный час весна непременно наступает в жизни каждого из нас. И даже ушедшие, если положиться на осетинскую традицию, подобно зернам для пивного солода, смогут вновь прорасти к новой жизни, но уже не обыкновенными, а чудесными золотыми побегами. У меня нет и тени сомнения в том, что все именно так и произойдет!

Вместо послесловия

Особое место в истории сбора и изучения осетинской традиционной культуры по праву принадлежит Махарбеку Сафаровичу Туганову. Его записям и зарисовкам мы обязаны богатейшим этнографическим материалом, без которого были бы невозможны те достижения, которые имеет в своем активе осетиноведение. Однако столь же значимой оказывается и его жизненный путь, судьбы, которая ему досталась. С этой точки зрения во всем необычайно разнообразном и богатом творческом наследии совершенно особняком стоит написанная маслом картина «Пир Нартов» (1951-1952 гг.). Выставленная в художественном музее, носящем имя великого мастера, она давно стала визуальным символом нартовской эпопеи, давно разошедшимся на многочисленные цитаты и знакомым едва ли не каждому. Однако значение этой картины для понимания его творчества пока еще не получило должной оценки, поскольку она интерпретируется в традициях сугубо реалистических, как буквальная иллюстрация богатырского духа нартов, их мощи и необузданного жизнелюбия. Между тем она, несомненно, должна трактоваться также и в метафизическом ключе, поскольку является последним из его крупных произведений и потому по праву должна считаться его завещанием. Обращение к ней позволит не только лучше узнать его последнюю волю, но также должно приоткрыть завесу тайны, которая скрывает в числе прочего и загадку его рождения.

Несмотря на неизменный интерес к творчеству и личности этой исполнинской фигуры осетинского серебряного века, без ответа остается такой, казалось бы, незамысловатый вопрос его биографии, как дата рождения, относительно которой царит существенный разброс мнений. Путани-

ца и значительные расхождения между известными на сегодня датами его рождения не могли остаться без внимания. Обычно это обстоятельство принято списывать на особенности времени, в которое он жил. Действительно, принадлежа к привилегированному сословию, он всегда опасался репрессий и потому старался окутать туманом все, что касалось его личной жизни. Так, например, будучи европейски образованным, он ходил в ватной телогрейке и кирзовых сапогах. Однако у этой проблемы есть и другая, не бытовая, а метафизическая сторона. Она то и представляет наибольший интерес. Обращение к существующей обширной литературе, посвященной этому вопросу, к которой я отсылаю всех желающих узнать о ней более подробно, позволяет ясно различать три основные версии, различающиеся между собой не столько степенью достоверности и надежности, сколько причастностью самого художника к их происхождению.

Так первая из них принадлежит его сыну Энверу, который на поставленный ему вопрос о дате рождения отца сослался на утраченную к тому времени фотографию.

Согласно его воспоминаниям, в их семье хранилась старая фотография отца в возрасте трех лет. На ее оборотной стороне рукой его матери была сделана надпись — «Мой сын Махарбек Туганов родился 16 сентября 1881 года». Казалось, что этого достаточно, чтобы считать вопрос решенным, однако, к сожалению, эта фотография не сохранилась. Между тем, если она действительно существовала, то сам Туганов не мог не знать о ней, а значит и об этой конкретной дате. Откуда же в этом случае в личном деле художника, хранящемся в Академии художеств, могла возникнуть

Махарбек Туганов с сыном Энвером

Укладывание в колыбель. Худ. М. С. Туганов

другая дата — июнь 1881 года? Значение этого свидетельства трудно переоценить еще и потому, что личное дело не могло составляться без учета мнения художника. Тем самым, мы вправе полагать, что запись могла быть сделана с его слов, из чего следует, что он сам предпочел июнь сентябрю. Возможно ли было подобное субъективное вмешательство в собственную биографию, и если да, то чем оно было обусловлено?

В поисках ответа на поставленный вопрос следует обратиться еще к одной версии, фольклорной по своей природе и женской по своему характеру. К счастью, до нас также дошли воспоминания старой соседки семьи Тугановых по селению Дур-дур — Минат, память которой удержала для нас то, что «Махарбек родился ровно за одну ночь до отела черной коровы». Приведенное свидетельство примечательно по целому ряду причин, на каждой из которых можно остановиться более подробно. Прежде всего, следует заметить, что подобная датировка, в основе которой привязка к событиям из сельскохозяйственной практики, является вполне обычной для аграрной традиции. Мне известен случай, когда выходец из одного из горных сел Осетии на вопрос к своим близким о дате своего рождения, услышал в ответ — «*Дыккаг рувæнты* / Во время второй прополки». День рождения ребенка не был праздником, вместо этого традиция отмечала другие даты: *авдæнбæттæн* / укладывание в колыбель, *номавæрсæн* / наречение именем и пр. Многие из этих отмечаемых в народной обрядности событий были отображены им в своем творчестве.

Далее, следует заметить, что воспоминания были записаны уже после кончины художника, уже при жизни пользовавшегося заслуженным почетом и уважением сограждан. Тем самым, применительно к нему фольклорный образ черной коровы оказывается более чем уместен, не только в качестве собирателя и исследователя народной культуры, но также и как для состоявшейся личности. Приведенная датировка становится своеобразной развернутой метафорой всей его предстоящей жизни, как сбывшееся предсказание, не обманувшее ожиданий, но, напротив, подтвердив правоту народных примет. Своеобразная народная правда этого предвидения в том, что телята действительно чаще всего появляются на свет ночью, что их рождение ведет к богатым удоям молока, которых не бывает у стельной коровы. Черный же цвет в традиции служит оберегом, своеобразной защитой ребенку, которого для этого могли назвать и «*Саукуыдз / Черный пес*». И вновь, цвет подтверждает свою охранительную способность, поскольку вопреки всем мыслимым и немыслимым перипетиям он выстоял и смог свершить то, ради чего пришел в этот мир — стал классиком современного осетинского изобразительного искусства, органично связав традицию с культурой европейского модерна.

С этой точки зрения получает объяснение и предпочтение июня сентября, потому что июнь — месяц летнего солнцестояния, или солнцеворота. День начинает идти на убыль, солнце, достигнув своего наибольшего могущества, начинает слабеть. В эпической традиции это месяц солярного героя Сослана, сила которого, согласно эпическим сказаниям, была наибольшей именно в солнцеворот / *хурыхатæны*. Существует высокая вероятность того, что он, если не отождествлял себя с ним, но, наверняка, соотносил, сопрягал. Иначе как можно объяснить, что именно Сослан стал главным героем его последнего шедевра, «Пира Нартов». Невозможность постичь всю глубину замысла художника нередко ведет к тому, что эту картину считают незавершенной, тогда как она настоятельно требует постижения смыслов, лежащих за ее внешней сюжетной канвой.

Сюжет картины воспроизводит кульминационный момент эпического сказания о танцевальном поединке между Сосланом и Челахсартагом. Согласно условиям состязания, в случае победы Сослан получает в жены дочь Челахсартага — девушку необычайной красоты, руки которой безуспешно добивались самые именитые нарты. На картине изображен триумф Сослана, танец которого оказался безупречным: за его спиной стоит Шатана с почетным кубком, предназначенным победителю, на переднем плане изображена группа музыкантов, исполняющих, как представляется, подобающий в подобном случае гимн «*Айс æй, аназ æй, ахуыпп æй кæ, айс æй, аназ æй! / Прими (чашу), испей (из нее), все до последней капли!*». Ликующие нарты,

Пир нартов. Худ. М. С. Туганов

бывшие на стороне Сослана, поддерживают исполнение гимна во славу победителя ритмичными хлопками в ладоши. Справа от Сослана, опираясь на посох, стоит, понутив голову, Челахсартаг, вынужденный признать свое поражение и отдать свою дочь в жены Сослану. В конечном счете, сюжет картины может считаться визуальной и, в некотором роде, звуковой иллюстрацией мифологемы «Священного брака» осетинской традиции.

Вместе с тем, ее главный посыл, не всегда очевидный для искусствоведов, также легко выводим из традиции. Без какой-либо натяжки он сводим к известному благопожеланию, произносившемуся прежде людьми, как при встречах, так и при расставании, когда отмечались значимые для жизни социума разного рода радостные события. Обычно оно звучало так: «*Куывдты амае чындзæхсæвты куыд 'мбæлаем!* / Чтобы нам видеться друг с другом на свадьбах и пирах!». С этой точки зрения, картина становится зрительным воплощением этого благопожелания, обращенного художником, уже собирающимся покинуть этот бранный мир, к любому из тех, у кого происходит встреча с его творчеством. Подобно эпическому Сослану, посетившему потусторонний мир в поисках листьев дерева Аза, и благополучно затем вернувшемуся в мир живых, он хотел, вероятно, и после смерти присутствовать на земле. Однако сделать он это хотел не так, как Сослан. Мы знаем, что по совету владыки загробного мира Барастыра, Сослану пришлось переставить подковы своего коня задом наперед, так чтобы оставляемый им след вел не наружу, а внутрь. Махарбек Туганов хотел быть среди живых благодаря своим полотнам, тоже своего рода листьям с чудесного дерева Аза.

Еще одно пожелание потомкам можно видеть в том, чтобы вопреки сложившейся в академической науке традиции исследователи не создавали искусственных непроходимых барьеров между так называемыми солярными, то есть солнечными, и грозowymi мифами. Не случайно, в осетинской обрядовой традиции летний солнцеворот прочно связан с праздником громовержца — *Уацилла*. Солярный же герой Сослан танцует на чаше, служащей воплощением мирового океана, в который погружается закатное солнце и который ясно соотносим с небесными коровами — тучами. Отсюда и его устойчивая связь с грозой, поскольку в осетинской традиции радуга зовется *Сослани æндурæ* / Сосланов лук. Если теперь в приведенное описание ввести эмоциональную составляющую, то мы невольно вспомним известную индейскую поговорку — «В душе того не будет радуги, чьи глаза не знали слез». Достойное завершение для жизненного пути художника, появившегося на свет за ночь до отела черной коровы.

Самым удивительным в судьбе художника оказывается дата его ухода, которая, в отличие от даты рождения, не вызывает разночтений. Доподлинно известно, что он тяжело заболел в июле 1952 года, а в начале июня его не стало. Он испустил свой дух именно тогда, когда его земляки отмечали праздник нарта Сослана, единственного из эпических богатырей, удостоившегося чести стать объектом поклонения. Именно в это время у склепа Сослана, расположенного недалеко от селения Нар, проводят обрядовое моление. Нам не дано выбирать время и место прихода в этот мир, но, может быть, человек в силах сам определять обстоятельства и момент своего расставания с ним?